

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

УДК 343.326.

ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЛОСКОСТИ

Владимир КАНЦИР,доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса
Института права и психологии Национального университета «Львовская политехника»**Анатолий КРЫЖАНОВСКИЙ,**кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права и процесса
Института права и психологии Национального университета «Львовская политехника»

SUMMARY

Article is devoted to the main stages of formation and development of international terrorism – one of those unresolved issues that humanity has entered in the XXI century. The phenomenon of terrorism was investigated as a socio-political phenomenon in historical perspective in order to determine vector combating violence in society, making an adequate legal framework, a system of international legal relations, which regulate and resolve conflict situations, minimizing violence in public life.

Key words: terrorism, terror, systematic terror, terrorist acts, terrorist activity, ideology of terrorism.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена раскрытию основных этапов становления и развития международного терроризма – одной из тех нерешенных проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие. Исследован феномен терроризма как социально-политического явления в историческом аспекте с целью определения вектора противодействия насилию в обществе, создания адекватной законодательной базы, системы международных правовых отношений, регулирующих и решающих конфликтные ситуации, минимизируя насилие в общественной жизни.

Ключевые слова: терроризм, террор, системный террор, террористические действия, террористическая деятельность, идеология терроризма.

Постановка проблемы. В условиях активизации международного терроризма, как одной из реальных угроз национальной безопасности государства, особую актуальность приобретает историко-правовое осмысление его истоков, основных этапов становления и развития. Поэтому необходимо проанализировать терроризм, как социально-политическое явление, рассмотреть причинно-следственные связи терроризма с развитием общественных отношений, его зависимость от социально-политической и экономической обстановки. При этом необходимо иметь в виду, что терроризм имеет не только достаточно длительную историю, но и прошел соответствующую эволюцию.

Цель статьи заключается в исследовании феномена терроризма в историческом аспекте, ведь понимание сути данного явления, его причин, цели, методов и способов действий террористов способствует не только практике противодействия насилию в обществе. Такое понимание необходимо для создания адекватной законодательной базы, системы международных правовых отношений, регулирующих и решающих конфликтные ситуации, минимизируя насилие в общественной жизни в целом.

Изложение основного материала. События последних лет, особенно 11 сентября 2001 в США, привлекли внимание всего мирового сообщества к этому феномену. Терроризм превратился в реальную планетарную угрозу существованию человечества.

Первые проявления терроризма имели место уже в древние времена. В контексте данного исследования оста-

новимся на наиболее значительных моментах становления и развития терроризма конца XIX – начала XXI веков.

Считается, что «системный» терроризм появился во 2-й половине XIX века. По мнению проф. Ю. Антонян, неограниченный терроризм берет свое начало от выстрела Каракозова, произошедшего 4 апреля 1862 года. Именно с того времени, утверждает он, террористические действия превратились в универсальное средство решения многих проблем, возникающих в общественной жизни. Характерными носителями идеологии терроризма в специальной литературе признано русских революционеров, радикальных националистов с Ирландии, Македонии, Сербии, турецкой Армении и т. д. [1, с. 144–150].

В исторических исследованиях подчеркивается, что специфическая волна терроризма в Европе инспирирована революционными веяниями и анархистской пропагандой в 90-х годах XIX века. В период от 1880-х до 1910-х годов, жертвами террористических акций стали американские президенты Джеймс Абрам Гарфилд (кстати, единственный американский президент, бывший священнослужителем) и Уильям Мак-Кинли, французский президент Садй Карно, испанский премьер Кановас дель Кастильо, австрийская императрица Элизабет, итальянский король Умберто. Этот ряд терактов исследователи связывают, прежде всего, с особой политико-идеологической разновидностью терроризма, к которой прибегали экстремистские группы и отдельные лица [2].

Другое направление развития террористической деятельности связано с трудовыми конфликтами в США

(подразумеваем группу Молли Магауайерс, действовавшую в 1870-х годах, террористов из площади Хаймаркет-сквер (1886), убийцу губернатора штата Айдахо – Фрэнка Стюненберга (1905) и др.).

Один из немецких идеологов политического терроризма Карл Генцген в статье под названием «Убийство» (1849 г.), писал: «Мы провозглашаем нашим основным принципом, которому нас научили враги, что убийство, то ли индивидуальное или массовое, остается обязательным инструментом решения исторических задач... Если мы должны разрушить полконтинента и пролить море крови, чтобы уничтожить партию варваров, пусть вас не мучает совесть. Тот не настоящий республиканец, кто с радостью не отдаст свою жизнь для уничтожения миллиона варваров» [3, с. 165].

Террористическая деятельность с самого начала была ориентирована на физическое устранение с политической арены тирана, диктатора, деспота.

Терроризм конца XIX начала XX века носил локальный, прицельный характер, имел ограниченные последствия. Жертвами террористов, как правило, становились конкретные представители власти. Опасной в то время считалась должность лидера государства – монарха, президента или премьер-министра. Наглядно, что Первая мировая война началась в 1914 году после выстрелов в Сараево, когда был лишен жизни австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд.

Возникнув, как форма вооруженного нападения на коронованных особ и государственных деятелей, терроризм на протяжении длительного времени постоянно менялся, акцент постепенно переносился на мирных жителей, случайных людей. Если на начальном этапе оружием террористов был, условно говоря, «кинжал», то со временем спектр средств насилия расширился. Террористы стали использовать огнестрельное оружие, прежде всего, револьверы, бомбы, динамит.

После своего возникновения идеи революционного террора оказали значительное влияние на формирование идеологических доктрин в эпоху капиталистического развития стран Европы и Северной Америки в XIX в. Одной из них стал анархизм, который исповедовал идею применения террористической угрозы для гласного выдвижения себя в качестве новой политической силы. Анархисты взяли на вооружение «пропаганду делом» (террористические акты, саботажи), а их основная идея состояла в отрицании всякой государственной власти и культивирования ничем не ограниченной свободы каждой отдельно взятой личности. Главными идеологами анархизма на различных этапах его развития были Пьер Жозеф Прудон, Макс Штирнер, Пётр Кропоткин. До Первой мировой войны терроризм считали оружием левых. Но, по сути, к нему прибегали индивидуалисты без четко выраженных политических платформ, а также националисты самых разных ориентаций [2].

«Сущность терроризма, – отмечается авторами «Комплекса Карлоса» К. Добсоном и Р. Пенном, – как и многих других антигуманных концепций – сеять страх» [4, с. 208]. Террористический акт – не окончание, а начало террора. Он осуществляется с расчетом на дальнейшую реакцию. Терроризм руководствуется принципом: «Убивая одного, запугай тысячи». Придерживаясь такого критерия, первыми в истории случаями сознательного и систематического применения террористической тактики можно считать деятельность двух сект: сикариев, которые уничтожали представителей еврейской знати и поддерживали союз с римлянами, и мусульман-исмаилитов (ассасины), т. е. профессиональных убийц. «Лидер исмаилитов Хасан ибн

Саббах, – отмечал советский историк проф. И. Можейко, – стал первым вождем, превратившим террор на основное средство «убеждения» оппонентов, всеобщего запугивания и шантажа. Террор приобрел такой размах, что стал не только средством, но и целью, содержанием его политики» [5, с. 113]. В ходе рассмотрения этого исторического примера раскрывается много существенных черт терроризма: расчет на страх, что достигается жестокими убийствами и максимальным распространением информации о своем авторстве, постепенное поглощение цели средствами, а также заговорщицкий характер терроризма. Удачная формулировка французского журналиста Л. Диспо: «Терроризм – это диктатура от имени воображаемого народа... против действительного народа» [6, с. 134].

Именно на этот аспект деятельности исмаилитов обращает внимание и проф. И. Можейко. Он отмечает, что народ использовался ими с чисто утилитарной целью: как поставщик питания и необходимый элемент в пропагандистской работе. В ходе деятельности секты «ассасинов» сработал еще один неоспоримый закон терроризма: террор, направленный наверх, всегда неотвратимо поворачивается внутрь и начинает работать против непосредственных его сторонников. Так, путем интриг были спровоцированы казни двух сыновей вождя исмаилитов, убит его ближайший соратник. Проявилась также и стратегическая несостоятельность терроризма: ни одно из восстаний исмаилитов не завершилось успехом [5, с. 114].

Если ретроспективно взглянуть на историю вопроса, можно найти определенную закономерность: интенсифицируется террористическое насилие в периоды смены общественно-экономических формаций, становления новых производственных сил, адекватных новому способу производства. Такие переходные периоды требуют насильственной деформации старых и поддержки новых производственных сил.

Характеризуя якобинский терроризм эпохи Великой Французской революции 1793 года, К. Маркс писал: «... французский терроризм был ничем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством» [7, с. 114], т. е. объективно он служил интересам буржуазии в ее борьбе за установление новых общественно-экономических отношений.

Наиболее полное описание предистории современного терроризма подается в книге «Терроризм» известного исследователя этой сферы В. Лакьора. Большое внимание он уделяет XIX в., вторая половина которого считается началом «систематического» терроризма. К наиболее характерным его представителям он относит русских революционеров 1878–1881 годов, радикальных националистов в Ирландии, Македонии, Сербии и Армении, французских анархистов 90-х годов, а также аналогичные группы в Италии, Испании и США [8].

Не останавливаясь подробно на терроризме XIX века, отметим несколько моментов, которые касаются формирования идеологических основ современного терроризма. В 1848 году уже упоминавшийся немецкий радикал К. Гейнцен обосновал допустимость массового физического уничтожения людей с целью «высших интересов человечества». По мнению В. Лакьора, он был первым, кто создал завершенную доктрину современного терроризма [8, с. 111].

Ко второй половине XIX века относится также формирование основ анархо-терроризма, к которому близко подошел проф. В. Вейтлинг, который выдвинул идею союза рабочего класса с криминальными элементами. Непосредственным

выразителем идей анархо-терроризма стал И. Мост – автор теории терроризма как детонатора революции. К этому периоду относится и так называемый феномен Нечаева – непосредственный предтеча, своеобразный «генотип» современного левого терроризма. Написанный им «Катехизис революционера» используется чрезвычайным влиянием в лево-террористической среде по сей день. Особого внимания фигура С. Нечаева заслуживает и в связи с деятельностью «Народной воли», поскольку в западной литературе по терроризму нередко предпринимается попытка подать российских народовольцев предшественниками современных террористов, подчеркивая тем самым «русские корни» терроризма, его «русскую традицию» [9, с. 111].

При всей ошибочности теории и практики народовольцев, террор рассматривался ими как крайний и вынужденный способ. Известная исключительная осторожность народовольцев при выборе жертв террора в противовес нечаевской абсолютизации террора и культа насилия. Основным водоразделом, по которому проходит разграничение между народовольцами и С. Нечаевым, все же выступает их разное отношение к вопросу допустимости или недопустимости любых средств во имя цели. «Нечаевская теория» – «цель оправдывает средства» – отталкивает нас», – писал В. Фигнер [10, с. 167].

Для понимания всего феномена терроризма интересна мысль, высказанная К. Марксом: «Цель, для которой необходимы неправомысленные средства, не является правовой целью» [11, с. 65]. Широко известными в истории стали благородство, самоотверженность народовольцев, которые, по словам Ленина, «смогли сыграть важную роль в русской истории» [12, с. 176]. «Народовольцам, – отмечают проф. В. Витюк и С. Эфиров, – была присуща высокая личная идейность, искренняя и глубокая любовь к народу, кристальная честность и чувственная совесть» – качества, прямо противоположные современным террористам [13, с. 81]. На гуманистический характер российских народовольцев обращает внимание и В. Лакбор, который приводит пример, когда боевик организации И. Каляев не решился бросить бомбу в великого князя Сергея Александровича, увидев, что тот вместе с детьми [8, с. 201].

Продолжить дело «Народной воли» попыталась боевая организация партии эсеров, масштабы деятельности которой беспрецедентны для того периода истории. Однако под внешним сходством скрывались концептуальные разногласия. «Если оригинал исторического события, – напоминал в этой связи высказывание К. Маркса Ленин, – представляет собой трагедию, то копия с нее выступает лишь фарсом» [12, с. 179].

Проф. Ю. Антонян и А. Будницкий (в исследовании «История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях») совершенно справедливо акцентируют внимание на связи психологических мотиваций терроризма со специфическим состоянием общественно-экономических и общественно-политических отношений: 1) разочарованием в способности основной части общества противостоять социальному и политическому угнетению; 2) пассивностью большей части населения; 3) желание отомстить правительству и создать новый социальный порядок [1, с. 79].

Вместе с тем, когда речь заходит о психологической изоляции, потребность самореализации через участие в ситуациях эмоционально насыщенным смертельным риском, в трудах вышеупомянутых авторов, эта плодотворная плоскость анализа причин возникновения российского терро-

ризма отходит на задний план. Одновременно достаточно справедливым представляется тезис этих авторов о том, что к причинам появления терроризма в России следует отнести, кроме упомянутых, и чрезвычайно замедленность общественно-экономического и общественно-политического развития, и дух «общей неповоротливости и консерватизма», и убеждение революционеров-террористов в возможности внезапного изменения всех устоявшихся законов существования.

Отсутствие видения возможности компромисса между различными социальными слоями общества, недовольство жизнью и желание судьбоносных внезапных изменений вне необходимых социальных, политических, экономических, психологических и других предпосылок обычно и порождают дух терроризма. Политическое убийство в моральной системе координат «теоретиков» терроризма (например, Морозова, Степняка-Кравчинского, Савинкова), интерпретируется как «наиболее справедливое из всех существующих форм революции» действие, которое также «позволяет преодолеть непобедимость тирании» [2]. «Историческое развитие России, – утверждает в этой связи проф. Ю. Антонян, – было таким, что в образе жизни, свето- и самовосприятии ее народов закрепились общественные скривали и коллективные формы адаптации. Поэтому всегда были активными неформальные нормы, регулирующие межгрупповые отношения, а также низкие способности сопротивления массовому психозу и групповому влиянию. Вышеупомянутые нормы создавали особую замкнутую культуру, в рамках которой невозможно решить все сложные проблемы, которые возникали. Государство было вынуждено двигаться, ломая эти пределы, настойчиво и в широких масштабах, иногда очень жестко вмешиваясь в жизнь людей и их сообщества, что создавало неразрывную связь между ними и властью» [1, с. 86–87].

Терроризм, как правило, и исторически, и учитывая плоскость моральную, и плоскость политическую отличается от террора, который, как правило, инициируется государством. Во многих случаях практику современно-го классического терроризма отождествляют с практикой государственного терроризма, несмотря на существенное различие этих явлений. В случае применения терактов спецподразделениями одних государств относительно других не может быть речи об «иррациональных пусках» или же «политизации эмоций», как об определяющей мотивации таких акций. В таком случае речь идет о тщательно спланированных действиях на уровне государственных органов и спецслужб, и об определенном виде государственной идеологии, которая активно формирует массовое сознание, создает иллюзорные модели соображений, что должно убедить каждого гражданина в необходимости и справедливости подобных акций относительно других стран [2].

До Первой мировой войны терроризм связывали, прежде всего, с левым радикализмом, хотя до террористических акций прибегали и отдельные лица без определенного идеологического обоснования, совершавшие уголовные преступления «по аналогии» с террористическими актами. В частности, «черные сотни» в России (1905–1917 г.) не имели непосредственного отношения к леворадикальным движениям.

После Первой мировой войны методы террора использовали усташы («восставшие», «повстанцы»; хорв.) – хорватская ультраправая террористическая организация, основанная Анте Павеличем в 1929 году в Италии, крайне

правая политическая организация в Румынии «Железная гвардия» (рум. Garda de Fier), нацисты в Германии. В специальных исследованиях даже известные политические убийства (К. Либкнехта и Р. Люксембург в 1919 году, В. Ратенау в 1922-м, югославского короля Александра и французского премьера Барту в 1934-м) относят к террористической практике. В Испании историю терроризма начинают исследовать с периода так называемых карлистских войн (карлисты (исп. – carlistas) или апостолики – политическая партия в Испании, в XIX веке принявшая активное участие в трех гражданских войнах (называемых карлистскими). Карлизм был активен с 1830-х до 1970-х гг. (карлисты существуют и в современной Испании) и последующей деятельности некоторых организаций анархистского толка, таких как ИФА (Иберийская федерация анархистов) с ее лидером Буонавентуро Дурутти (согласно легенде заявлял, что у него нет никакой собственности, которую он бы не отдал товарищам по первому же требованию, кроме персонального револьвера).

Своеобразный «ренессанс» терроризма во 2-й половине XX века, как правило, связывают с деятельностью неонацистских организаций. Кровавый террор начала 80-х годов в Италии (взрыв бомбы на вокзале в Болонье, тогда погибли 80 человек и более 200 были ранены, заминирование поездов «Неаполь–Милан») был результатом спланированных действий итальянского социального движения – Национального фронта или же неонацистских экстремистов, которые непосредственно не входили в состав этой организации. Известными являются акции поджигания немецкими неонацистами зданий, где размещались эмигранты, убийства французскими неонацистами эмигрантов в пригороде Парижа [2].

В Уругвае террористическая группировка МЛН (Мовимьенто де либерсьон националь; Тупамарос) была основана в начале 60-х годов. В Бразилии кампанию «городского» терроризма начинали несколько сравнительно небольших группировок: ВПР («народно-революционный авангард»), АЛН («национально-освободительная акция»), ВАС Палмарес («вооруженный революционный авангард»). В Перу к террористической деятельности прибегали несколько военно-политических организаций, прежде всего, КПП-СЛ (коммунистическая партия Перу «Сендеро Луминосо» – «Сияющий путь») и революционное движение Тупака Амару (МРТА). Решающее предпочтение в революционной борьбе сендеристы отдавали «революционному насилию», террору, саботажу, нападению на банки, физической ликвидации лиц. Отмечается, что в результате политического насилия, начавшегося сендеристами, в течение всего десяти лет в Перу погибли более 20 тысяч человек [14, с. 44–50].

Период после Второй мировой войны наиболее известные зарубежные исследователи терроризма связывают с революционным насилием [15, с. 167]. Прототипами современного терроризма считаются три формы: сепаратистско-националистический (Ольстер, Ближний Восток, Канада, Испания); латиноамериканский (преимущественно в странах Южной Америки); городской (в Северной Америке, Западной Европе и Японии). Ультраправый и ультралевый терроризм, особенно в разновидностях его направленности, существует и сейчас. Он является чрезвычайно распространенным явлением в Турции, Англии, Италии и многих других странах мира [16].

Выводы. Возникновение и распространение терроризма – это исторический результат появления в обществе возможности применения насилия «слабой» сторо-

ной применительно к «сильной». Террор осуществлялся общественно-легитимными лицами, которые возглавляли, участвовали в деятельности военных подразделений или государственных специальных организаций. Терроризм исторически был основан легитимно непризнанными в функционирующей системе государственной организации и общественной иерархии индивидами. Таким образом, можно предложить определения терроризма, как эманации Зла в бытие человечества, попытки превращения деструктивной иллюзии на действительность благодаря общественно опасной деятельности, которая сопровождается максимальным резонансом и заключается в сознательном, целенаправленном применении или угрозе применения насилия, и обращена на привлечение внимания к определенным взглядам, на получение, удержание власти в обществе или давление на властные структуры с целью принятия (непринятия) ими желаемых для террористов решений.

Список использованной литературы

1. Антонян Ю. Терроризм : уголовно-правовые и криминалистические исследования / Ю. Антонян. – Москва, 1998. – С. 86–87; Будницкий О. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / О. Будницкий. – Ростов-на-Дону : Изд-во «Феникс», 2001. – 576 с.
2. Оськина И. От имени народа, но против народа? / И. Оськина, А. Лупу, Н. Лазарева, И. Сулова // «ЭЖ–Юрист», 2012 – № 40. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.justicemaker.ru>.
3. Терроризм и религия / Под ред. проф. В. Кудрявцева. – М. : Наука, 2005. – 165 с.
4. Dobson Ch. The Carlos Complex : A pattern of Violence / Dobson Ch., Payne R. – L. : Hodder & Stoughton, 1977. – 254 p. – P. 208.
5. Можейко И. Западный ветер – ясная погода / И. Можейко. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2001. – 541 с.
6. Dispot L. La machine a terreur / L. Dispot. – P. : Grasset, 1978. – 304 p.
7. Маркс К. Буржуазия и контрреволюция : сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. [Второе изд.]. – Т. 1. – Москва, 1983. – 114 с.
8. Laquer W. Terrorism / W. Laquer. : Micheal Joseph, 1977. – 251 p.
9. Революционный радикализм в России : век девятнадцатый. Документальная публикация / Под. ред. Е. Рудницкой. – Москва : Археографический центр, 1997. – 576 с. – С. 416–420.
10. Эфилов С. Покушение на будущее / С. Эфилов. – М. : Мол. гвардия, 1984. – 204 с. – С. 167.
11. Маркс К. Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания : сочинения // К. Маркс, Ф. Энгельс. – [Второе изд.]. – Т. 1. – Москва : Наука, 1983. – 65 с.
12. Ленин В. Протест российских социал-демократов : полн. собр. соч. в 55 т. / В. Ленин. – Т. 3. – Москва, 1985. – 176 с.
13. Витюк В. «Левый» терроризм на Западе: история и современность / В. Витюк, С. Эфилов. – М. : Наука, 1987. – 318 с.
14. Слинько А. Терроризм и кризис политической системы (1980–1993 гг.) / А. Слинько // Латинская Америка. – М., 1994. – № 5. – С. 44–50.
15. Bell J. B. A time of terror: How democratic societies respond to revolutionary violence / J.B. Bell. – N.Y., 1978. – 167 p.
16. Оськина И. Возникновение и предпосылки распространения терроризма как социально-психологического явления: историко-правовой аспект / И. Оськина, А. Лупу // История государства и права, 2013. – № 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.center-bereg.ru>.